

УКРАСТЬ И ПОДАРИТЬ

Александр
ИБРАГИМОВ

Мы с Володей Соколаевым идем по весенней снежной слякоти Новокузнецка туда, где они работают с Воробьевым: их мастерская в подвале. Володя открывает помещение. Темно. Под ногами скрипят камешки. Володя включает свет, и мы оказываемся в зале. Стоит множество столов, висят веревки, на веревках сушатся фотопленки. На стенах несколько фотографий. Как-то пусто. Соколаев садится на стол. В подвал входит мужчина, похожий на артиста. У него светлые волнистые волосы и серый пиджак. Он по-хозяйски начинает возиться в другом конце зала. Я наблюдаю за ним, шепотом к Володе: «Это Воробьев?»

— Да, — кивает Соколаев и обращается к Воробьеву: — Володя, познакомьтесь, Саша Ибрагимов.

Воробьев подходит, внимательно смотрит в глаза, мы подаем друг другу руки — и я тут же оказываюсь в его тепло-серой ауре. Володя — уютный и мягкий человек. Слова, которые он произносит, золотистые. Вокруг пустынный зал подвала, но неуловимый артистизм разлит между нами.

— Ну что, идем к Галине Никодимовне? — отчетливо говорит Соколаев. — Пить чай.

Воробьев согласно кивает:

— Пошли!

Галина Никодимовна — это жена Воробьева. Она приветливо встречает нас дома:

— О, с Алтая?

— Да-а-а... — растягиваю ответ, вешая свою шубу.

Галина Никодимовна внимательно наблюдает, как я снимаю обувь.

— Проходите, — показывает она в сторону комнаты, а сама уходит на кухню.

На стене над журнальным столиком висит выгнутая, хорошо сохранившаяся икона Николая-угодника и несколько застекленных фотографий. Дубовая роща...

— Это дубы из Поволжья, где я рос, — поясняет Воробьев. — В этом году я там был. А это обрыв Новокузнецка, на том берегу, где крепость. И коза меж кустов.

«Красивая фотография, как старинная картина, — думаю я, — но к чему она?» У плитуса стоят повернутые к стене фотографии в рамках. Воробьев приводит сидячие места в пригодность и усаживает меня.

А Соколаев на кухне громко шутит с Галиной Никодимовной, приносит чайник. Хозяйка расставляет чашки, разливает чай. Володя приносит нарезанную колбасу.

Я говорю Галине Никодимовне:

— Я не ем колбасу.

На что Воробьев аппетитно замечает:

— Ничего, мы с удовольствием съедем... — Он делает бутерброд с колбасой и говорит мне: — Ты думаешь, эта колбаса из мяса? Она из бумаги. — И ловко откусывает.

Я беру печенье, прихлебываю душистый горячий чай и слушаю Галину Никодимовну о ее жизни в селе под Иркутском. Она рассказывает о своей великой бабушке своей юности, о родителях. О жизни в бабушкином доме, в котором часто останавливались паломники. Я как будто слушаю роман «Сто лет одиночества» Маркеса или прозу Астафьева. Такая жизнь — и такая бабушка. Галина Никодимовна с удовольствием вспоминает, рассказывает мне как родному, показывает старинные фотографии. Бабушка — сильная женщина. Вот еще молодая, в шелковом платье. Это двадцатые годы. А сейчас 1985 год. И бабушки уже нет.

...Весна 1986 года. Мои друзья Миша и Нина Зиновьевы говорят мне:

— Крестись! Мы будем крестными.

И вот я в Новокузнецке, где должен креститься, а моих крестных нет. Они живут в Шерегеше. Мы сидим у Воробьева и размышляем, что делать.

Я говорю:

— А может, будем меня крестить на горе без батюшки? Ведь могут христиане сами себя крестить?

— Крестись как все люди, если хочешь креститься, и не выпендривайся!

Рано утром мы с Воробьевым пришли в Михайловский храм к отцу Сергию. Но ни Соколаева, ни Миши, ни Нины так и не дождалось. Подойдя к крестильне, я, сбросив руки, крестом падаю на лед. Лежу, распластав руки, щекой ощущая чистый огонь льда. Володя Воробьев, мой крестный, рядом. Отец Сергей заводит нас в крестильню. У нас в руках горящие свечи. Начинается обряд. На мне новые носки и черные трусы по колено, которые на крещение подарил отец Сергей. Он водит нас вокруг подсвечника с горячей свечой и молится. Расплавленный воск течет по пальцам. И тут я вспоминаю Анну, Ольгу, Лею: «Я здесь, в новых носках, со свечой, а они в За-Мульте...» И только после крещения узнаю, что сегодня праздник «Торжество православия». Чуть не присел — так обрадовался.

Соколаев пришел, когда Галина Никодимовна уже собирала на стол. Миша и Нина так и не появились. Мы сели за праздничный стол четвером — крестом.

Смотрим альбомы с фотографиями. «Жатва» — так называется альбом Соколаева. Подкаждой фотографией — название фото, время и место съемки. Действительно, жатва коммунистического режима. Подведение итогов. Детские сады дебилов, довоенные ржавые больницы, окабаневшие милиционеры, поджидающие демонстрацию, хари продавцов свиных рыл на городской ярмарке, внезапные портреты анонимных жителей города... Одним словом — Фотография! Никуда не денешься, именно так все и было.

Все документально: четвертая городская больница, 17 августа 1982 года. Девушка из роддома неотрывно смотрит на меня, лежа в кровати. Я ношу в себе этот взгляд четверть века.

Не помню, как назывался альбом Воробьева. Но фотографии — помню. Серия замученных рабочих КМК. В дыму-саже-копоти... Истерзанные фигуры в фетровых шляпах, лица моих сограждан под марлей, чтобы не задохнуться. Страшные свидетельства! Или шахтер, удерживающий равновесие с сеткой белых яиц в автобусе... Фотографии Воробьева менее агрессивные, чем у Соколаева. И хотя наши взгляды на советскую историю совпадают, я сомневаюсь: «Разве только ад вокруг нас?» Я смотрю на фотографии и не соглашаюсь, что все это так, что я живу среди этого. Но фотографии — неопровержимое доказательство. Что еще нужно для точного свидетельства? Другой иной взгляд? Но я все же доверяю своим друзьям: их фотографии меня убеждают. Тогда почему у меня в стихах все по-другому? Потому что я другой? Потому что я пишу о другом? Тогда где мой рай? Моего рая в фотографиях Воробьева-Соколаева — нет! И я остолбенело смотрю на друзей, когда мы пьем чай в уютной кухне Воробьева. Никаких признаков ада! Ребята выглядят как ходяки в ад — сталкеры.

...Прошло десять лет. 1996 год. Воробьев вернулся из большой поездки: он на спортивном велосипеде сопровождал паралимпийский заезд Новосибирск — Санкт-Петербург. Передо мной толстая пачка цветных фотографий. Володя снимает уже другим аппаратом, на цветную пленку. Эту серию он называет «Инвентаризация России. Конец XX века». Храмы, вышедшие из-за колючки коммунизма... Пожилые дома, выкрашенные масляной краской от слеза, и глаза коров, словно глядящих из прозы Андрея Платонова. Странно, как это получилось у Володи — фотографии по Платонову. Фигуры паралимпийцев, напоминающие евангельские времена. Вот выносят из дверей снятого с креста Иисуса Христа. Вот бережно на одеяле спускают с крыльца Его разбитое тело. А вот настоящий русский пейзаж: осенние гнутые рощи, расплеснутые разбито-заледенелые колеи, наливные яблоки Чернобыля в расстрельных деревьях...

В это время Володя ведет группу: он увлечен Гурджиевым. Группа купила дом недалеко от Новокузнецка по железнодорожной линии, привела его в порядок. Рядом с домом жаркая баня. В огороде много овощей и ягод. Заготавливают, консервируют, едят всю зиму — Володя гордится хозяйством. Мы иногда говорим о наших группах: я — о мастерской «Аз», Володя — о своей, в которую входят вполне взрослые мужчины и женщины. Володя — настоящий Учитель, его любят. В Доме постоянно кто-то дежурит, вместе отмечают праздники, встречаются раз в неделю. Читают книги Гурджиева, обсуждают их, слушают музыку. Постепенно группа становится общиной.

В последнее время мы встречались с Володей раз — два раза в год. Он не фотографировал уже больше десяти лет — и был спокоен. Ушла от него страсть — украсть кадр. Украсть и подарить — такова участь фотографа.

Фото Владимира Соколаева

Поэт Александр Ибрагимов в кулуарах конкурса «Русская красавица». Томск. 1989 г.

Фото Александра Трофименко

Фото Александра Трофимова

Котлован на улице Кирова. Новокузнецк. 1981 г.

Фото Александра Трубникова

Двор на улице Буржацкого. Новокузнецк. 1981 г.

Фото Александра Трофимова

Внезапный дождь в Сочи. 1978 г.

Улица Ушинского. Новокузнецк. 1982 г.

Фото Александра Трофимова

Хор в селе Малый Антибес. Кузбасс. 1982 г.

Фото Александра Трофимова

Фото Александра Трофимова